

И. Б. АЗАРОВА

г. Гомель, ГГУ им.Ф.Скорины

ЖАНР ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА И М. БОГДАНОВИЧА

Поиск традиций, аналогий, параллелей, исследование многообразия языковых и художественных средств изображения в пределах жанра путевых заметок на примере творчества А. С. Пушкина и М. Богдановича представляет собой интересную область. Расцвет литературы путешествий в России приходится на конец 18-начало 19 века, а в Беларуси – немного позже. Произведения и А. С. Пушкина и М. Богдановича содержат уникальную познавательную информацию, а индивидуально-авторская манера изложения отличается такими качествами, как поразительной осведомленностью писателей в разнообразных вопросах, умение достичь предельной концентрации информации на минимальном текстовом объеме, использование внетекстового комментария, создание совершенно особой художественной структуры повествования, основанной на реминисценциях читательской памяти, владение искусством аллюзии и др.

В основе литературного жанра путешествий лежит описание очевидцем “достоверных сведений о каких-либо малоизвестных странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников и т.д.” [1, с. 351]. Расцвет литературы путешествий в России приходится на конец XVIII – 1-ую половину XIX века, когда из периферийной области литературы превращается в полноправный литературный жанр (“Путешествие в Арзрум” А. С. Пушкина, “Тарантас” В. А. Сологуба, “Фрегат Паллада” И. А. Гончарова и др.). В белорусской литературе жанровая форма путевых заметок начала складываться немного позже. Начиная со 2-ой половины XIX века немало русских путешественников, а среди них были академик В. М. Северин, художник И. Д. Захаров, фрейлина О. П. Шишкина, чиновник Н. С. Щукин, цензор Д. И. Мацкевич писали о Беларуси. Однако путевые записки П. Шпилевского, В. Сырокомли, Ядвига Ш. и М. Богдановича выделяются обилием географического, исторического и этнографического материала,

тщательно собранного и систематизированного, что позволяет поставить их в один ряд с “Путешествием в Арзрум”.

Влияние А. С. Пушкина на белорусскую литературу проявлялось более полно на том этапе, когда она достигла уже заметных высот на пути своего идейно-художественного становления и развития, когда в ней появились фигуры такого масштаба, как Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович.

С опубликованием очерков М. Богдановича “Из летних впечатлений” открылась новая грань таланта белорусского писателя. По мнению М. Мушинского, “Выход Багдановіча-крытыка за межы ўласна мастацкай літаратуры тлумачыўся не толькі традыцыяй рускага дарэвалюцыйнага друку, у якім шырокае, аператыўнае асвятленне атрымлівала культурная “прадукцыя”, але і этычнымі пастулатамі культурна-гістарычнай школы. Школа актыўна прапагандавала ўсе роды і віды, жанры і формы слоўнай творчасці, усё, што несла канкрэтныя веды і задавальняла духоўныя, інтэлектуальныя запатрабаванні чалавека. Культурна-гістарычная школа аддавала перавагу тым ведам, якія атрыманы вопытным шляхам. Адсюль зразумела, чаму так высока цаніліся дакументальныя жанры, даведачны, статыстычны матэрыялы, архіўныя звесткі” [1, с. 458].

В пушкинском наследии “Путешествие в Арзрум”, изданное в “Современнике” (1836, №1), занимает совершенно особое место из-за своей оригинальной повествовательной структуры. Многие литературные критики упрекали Пушкина в отсутствии пламенного воображения. К примеру, Ф. В. Булгарин характеризовал “Путешествие в Арзрум”, как “холодные записки в которых нет и следа поэзии”. А видный исследователь пушкинского стиля А. Лежнев отмечал строгую фактичность, достоверность.

Путевые заметки, как правило, в традициях жанра содержат познавательную информацию, касающуюся всех сторон жизни в исследуемых краях. Но авторская манера изложения отличается своей индивидуальностью. Исследователи не раз отмечали поразительную осведомленность Пушкина в военных вопросах.

Военная цензура строго предписывала авторам при освещении военных действий основываться на правительственных реляциях. А. С. Пушкин превратил реляции в развернутый внетекстовый комментарий к “Путешествию в Арзрум”. При этом он достиг предельной концентрации информации на минимальном текстовом объеме.

Третья глава начинается с кульминации – изложения стратегического плана Паскевича, записанного в реляции. Но Пушкин отдает главную роль личности автора – персонажа, посредством эмоций которого читатель познает окружающий мир, который для сугубо штатного человека не только не понятен, но и абсурден: “Я остался один, не зная, в какую сторону ехать и пустил лошадь на волю божию” [3, с. 396].

Часто Пушкин прибегает к обратному приему – детализации картины происходящего, достигая при этом большого художественного эффекта. К примеру, эпизод с подполковником Басовым. Подробное описание атаки, формы воюющих и даже дикого обычая турков в реляции отсутствует. Пушкин напоминает о ценности человеческой жизни на войне, данный факт у Пушкина приобретает значимость художественного образа. По мнению Мясоедовой, “причиной произвольной интерпретации текста является сам пушкинский метод – использование реляций как внетекстового комментария, что позволило ему создать совершенно особую художественную структуру повествования, основанную на реминисценциях читательской памяти” [4, с. 31].

Особый пушкинский взгляд на действительность, взгляд гениального художника, открывает поэзию обыденной жизни. Разговорная интонация с весьма ироническим оттенком, которая ощущается в “Путешествии в Арзрум”, является отголоском “чужого голоса”, восходящего к Н. Н. Раевскому-старшему. Хотя следует отметить то, что ход ассоциативной мысли Пушкина более сложен, и степень редукции “чужого слова” сильнее. Налицо аллюзия. Обычно суть ее сводится к намеку на реальный общеизвестный исторический или литературный факт. М. Богданович тоже владеет искусством аллюзии. Например, переделка известного приветствия римских гладиаторов императору Цезарю: “Ave, Cesar, imperator morituri te salutant” – “Ave, mare, morituri te salutant”.

За полвека до М. Богдановича известный белорусский писатель и этнограф П. Шпилевский с досадой отмечал, что “нас интересуют верования древних греков и римлян, мы пишем об их нравах, мифологии, языке, даже пиршествах и обедах; отчего же не писать о родной Белоруссии, которая так богата своими самобытными нравами, мифологией, языком и, наконец, игрищами и празднествами?” [5, с. 5].

“Мы ленивы и нелюбопытны”, – замечал Пушкин, при этом являя собой обратный пример, а именно: жажды впечатлений, знаний, мыслей. Его “Отрывок из письма к Д.” находит продолжение в очерке

М. Богдановича “Из летних впечатлений”. Изумленным глазам читателя открывается великолепие красочных зарисовок Крыма: Феодосия, Старый Крым, Коктебель, незабываемые морские поездки и путешествия по горам. Авторы обращают внимание читателей на архитектурные памятники, на исторические места, связанные с теми или иными событиями из далекого прошлого. А. С. Пушкина и М. Богдановича не может не волновать судьба крымских исторических памятников. К примеру, Пушкин с большой досадой отмечал “полуевропейские переделки некоторых комнат и побережье, в котором истлевают в Бахчисарае дворец хана” [3, с. 369]. Чувства и мысли М. Богдановича совпадают с мнением профессора Смирнова, что “Старый Крым должен был бы быть целым музеем древностей, если бы не хищничество нынешних его обитателей” [6, с. 107]. Чтобы показать культурный уровень последних, автор демонстрирует их речь, которая представляет собой “массу всяческих уродливостей – и этимологических, и синтаксических, и словарных ... Это – плата за ассимиляцию, за утрату своей национальности... отвратительный жаргон, который может быть базисом для чего угодно, но не для культурного строительства, не для роста культурных ценностей” [6, с. 103]. Пушкин отмечал похожую “трогательную ограниченность желаний и требований” любителей словесности.

Южный полуостров в описании М. Богдановича и А. С. Пушкина завораживает своей дивной природой, разнообразием оттенков моря, песчаными и галечными пляжами, морскими обитателями, скалами и гротами, виноградниками, реликтовыми растениями... Не меньшее впечатление производят исторические и архитектурные памятники, знаменитые места, дворцы, монастыри, развалины древних храмов. Кажется, уже нет места для других мыслей, но неожиданно попавшая на глаза береза производит впечатление значительно сильнее, нежели южная экзотика или молодой кипарис, к которому поэт привязался дружеским чувством, или черешневый сад М. Богдановича: “...береза, северная береза! сердце мое сжалось: я начал уже тосковать о милом полудне” [3, с. 369].

А. С. Пушкин, а затем и М. Богданович с успехом используют прием постепенного ввода читателя в события. Внешне спокойный и неброский пейзаж при вечернем освещении: “море не эффектное” (М. Богданович) и “я не различил его да и не любопытствовал” (А. С. Пушкин) сменяется на неповторимое изобилие красок и “картину пленительную: разноцветные горы сияли... тополи, как

зеленые колонны... и кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск и воздух полуденный...” [3, с. 368].

Само путешествие предполагает множество встреч, знакомств, даже курьезов. Пушкин, к примеру, вспоминает, что вряд ли в других народных кухнях есть что-нибудь “гаже” чая с бараньим жиром и солью, калмыцкое же кокетство вовсе испугало поэта. А впечатления от встреч с мудрейшими людьми Востока наводят на множество мыслей: эстетических, политических, философских. Так, на высокопарное восточное приветствие Пушкина, на неуместную затейливость “Фазил-Хан отвечал простою, умной учтивостью порядочного человека. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей шапке и по крашеным ногтям” [3, с. 380]. Поистине прав поэт: “Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей”. М. Богданович встречает лучших представителей литературного, музыкального, художественного мира России и других стран на крымских набережных и в закусовых. Среди них: М. П. Арцыбашев, А. Н. Толстой, М. А. Волошин, В. В. Кандинский, А. В. Лентулов и др. Ультрамодернисты выставки “Бубновый валет” приложили свои кисти к стенам закусовой и в стихотворной “забубенной” форме изложили собственную точку зрения на школу танца модерн А. Дункан, на творчество других известных и почти неизвестных личностей.

Спокойное и объективное прозаическое “Путешествие в Арзрум” нельзя рассматривать в отрыве от кавказского “Лирического дневника” являющегося эмоциональным дополнением прозы. Сопоставление с их соответствующим прозаическим текстом позволяет, по мнению Д. Д. Благого, “видеть многообразие форм и средств лирического самовыражения Пушкина и помогает глубже почувствовать восприятие им того или иного, связанного с путешествием события или явления, а иногда и подтекст, который скрыт за сдержанной строгой формой прозы” [7, с. 347].

Многие путешественники сетовали на ужасное состояние дорог: Ядвига Ш.: “...или сплошное бездорожье, или часть дороги, или тропинка вместо шоссе” [8, с. 379], М. Богданович: “Дороги стали до отчаяния скользкими и вязкими... наезженной дороги нет” [6, с. 108], А. С. Пушкин: “До Ельца дороги ужасны. Несколько раз коляска вязла в грязи...” [3, с. 373]. Стихотворение “Дорожные жалобы” отражает состояние предотъездной жизненной ситуации, грустные раздумья над собственным жизненным путем. Стихотворение несет в себе и конкретное ироническое описание возможных видов и

способов передвижения по просторам России в начале XIX века со всеми вытекающими для путешественника последствиями. Оно создает своим ритмом и представление о конкретном физическом движении поэта. Четырехстопный хорей, варьирующийся в пределах заданной схемы местом и количеством безударных стоп, с одной стороны, и параллелизмом синтаксической структуры строф, с другой – как бы воспроизводит то равномерное покачивание, то нарушение этой равномерности, то убыстрение, то замедление.

Финальная сцена – отъезд – навевает спокойствие и некоторую усталость от избытка впечатлений: “Мы поворачиваем назад... Усталость начинала брать свое, разговоры и песни не клеились, становилось холодновато” [5, с. 115]. Похожее впечатление остается в душе у читателя от заключительных строк “Путешествия в Арзрум” и “Станционного смотрителя” А. С. Пушкина: “Я ехал обратно по дороге уже мне знакомой... Места были молчаливы и печальны” [3, с. 409] и “...не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях, мною истраченных” [3, с. 84].

Путешествие не заканчивается с отъездом, остается внутреннее желание повторить увиденное, изложить на бумаге: “Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием? или воспоминания самая сильная способность души нашей, и им очаровано все, что подвластно ему?” [3, с. 370]. М. Богданович находится в подобном лирическом расположении духа: “Сами собой складывались отрывки впечатлений... и попытки закрепить их на бумаге” [6, с. 102].

Поиск аналогий, традиций, параллелей, исследование многообразия языковых и художественных средств изображения в пределах жанра путевых заметок на примере творчества А. С. Пушкина и М. Богдановича представляет собой интересную и далеко не исследованную область. Таким образом, следует согласиться с мнением Белинского “о постепенном освоении гения” [9, с. 211] и со словами Д. С. Лихачева, что “правильное научное построение допускает поправки и дополнения; неправильное построение – плотно забитая скважина” [10, с. 71].

Список литературы

- 1 Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева; ред. колл.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.

- 2 Мушынскі, М. І. Навуковая і літаратурна-крытычная спадчына М. Багдановіча / М. І. Мушынскі // Багдановіч М. Поўны збор твораў: у 3-х т. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993. – Т.2: Маст. проза, пераклады, літ. артыкулы і г.д. – 1993. – 600 с.
- 3 Пушкин, А. С. Сочинения: в 3 т. / А. С. Пушкин. – Мн.: Маст. літ., 1987. – Т.3: Проза. – 1987. – 526с.
- 4 Мясоедова, Н. Е. Подходы к изучению “Путешествия в Арзрум” А. С. Пушкина / Н. Е. Мясоедова // Рус. лит. – 1996. – №4. – С. 3-44.
- 5 Шпилевский, П. М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю / П. М. Шпилевский. – Мн.: Полымя, 1992. – 251 с.
- 6 Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3-х т. / М. Богданович. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993. – Т.2: Маст. проза, пераклады, літ. артыкулы і г.д. – 1993. – 600 с.
- 7 Благой, Д. Д. Творческий путь Пушкина(1826-1830) / Д. Д. Благой. – М.: Сов.писат., 1967. – 560 с.
- 8 Ядвігін, Ш. Выбраныя творы / Ядвігін Ш. – Мн., 1976. – 271 с.
- 9 Белинский, В. Г. Сочинения Александра Пушкина / В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений: в 7 т. – М., 1955. – Т.7. – С.3-297.
- 10 Лихачев, Д. С. Прошлое – будущему: Статьи и очерки / Д. С. Лихачев. – Л., 1985. – 170 с.